

Игнатъева Е. А.

РОЛЬ БЕСПРИНЦИПНОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ В ПОВЕСТИ Н. В. ГОГОЛЯ "ПОРТРЕТ"

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2008/8-2/27.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2008. № 8 (15): в 2-х ч. Ч. II. С. 64-66. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2008/8-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

К числу того, что, по мнению Н. В. Гоголя, мешает нормальному развитию современной журналистики, относятся следующие факторы:

- монополизм некоторых изданий и отсутствие здорового соревновательного духа;
- отсутствие единого направления, программы, основанной на глубокой мысли, единой воле и цельности;
- легковесность, верхоглядство, пустопорожность, мелочность;
- всеядность, неразборчивость, неспособность к отбору материала;
- безответственность и беспринципность;
- тщеславность и сосредоточенность на желании личного успеха у публики;
- нарушения в области авторского права, редакторский произвол (беспардонные переделки авторских текстов);
- так называемое «почётное» редакторство, когда поименованный редактор заявлен только для пушского веса у публики, но участия его в издании не видно;
- дурная корпоративность и кумовство, необъективные оценки других изданий, переход на личности и доминирование партийных пристрастий;
- адресованность многих выступлений к кругу литераторов, а не к широкой публике, фамильярность;
- нерасторопность, несвоевременность и нерегулярность выхода журнальных выпусков в свет;
- расчёт на читателей ограниченных, лишённых образованности и вкуса, потакание низким вкусам в массовой культуре;
- обладание средствами гласности у беспринципных изданий и отсутствие таковых у журналистов с благими намерениями и установками (речь о рекламе);
- пренебрежение литературным прошлым, отсутствие подлинных критериев в оценке писателей, «отсутствие чистого эстетического наслаждения и вкуса»;
- отсутствие диалога с читателем, знания о его вкусах, потребностях;
- злоупотребления в коммерческой сфере развития журнального движения.

Из этого абстрагированного перечисления легко вывести гоголевскую позитивную и перспективную программу журнализма:

- здоровый соревновательный дух, равные условия для изданий;
- наличие выверенного, направляемого единой волей и позитивного направления;
- ответственность, принципиальность, разборчивость и серьёзность в отношении к публикуемому материалу;
- доминирование общественных интересов над личными и корпоративными;
- подлинный диалог с читателем, уважение к нему, изучение его позиции, воспитание читателя;
- соблюдение авторского права, неприкосновенность аутентичного текста;
- порядочность в коммерческих литературных делах;
- оперативность и регулярность выхода в свет.

Статья Н. В. Гоголя носит не только констатирующий, но и прогностический характер, особенно актуальный для нашего времени, ибо можно провести параллель между 1830-ми и 2000-ми в отношении коммерциализации культуры. Н. В. Гоголь не отмахивался от этого процесса, он его спокойно осмыслял и стремился по возможности сопротивляться его крайностям, по крайней мере в 1830-е годы, находясь в гуще журнального движения.

Список использованной литературы

1. **Мордовченко Н. И.** Гоголь и журналистика 1835 г. // Н. В. Гоголь: Материалы и исследования. - М., 1936. - Т. 2. - С. 124-137.
2. **Петрунина Н. Н., Фридендер Г. М.** Пушкин и Гоголь в 1831-1836 годах // Пушкин: Исследования и материалы. - Л., 1969. - Т. 6. - С. 210-223.
3. **Прозоров В. В.** Власть современной журналистики или СМИ наяву. - Саратов, 2004.
4. **Рыскин Е. И.** О статье Гоголя «О движении журнальной литературы, в 1834 и 1835 году» // Русская литература. - 1965. - № 1. - С. 134-144.
5. **Свитич Л. Г.** Феномен журнализма. - М., 2000.
6. **Свитич Л. Г.** Профессия: журналист. - М., 2003.
7. **Словарь современного русского литературного языка:** В 17 т. - М., Л., 1955. - Т. 4. Ж-З.
8. **Современник.** - 1836. - Т. I. - С. 192-227.

РОЛЬ БЕСПРИНЦИПНОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ В ПОВЕСТИ Н. В. ГОГОЛЯ «ПОРТРЕТ»

Игнатьева Е. А.

ГОУ ВПО «Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского»

Повесть Гоголя «Портрет» имеет отношение к феномену журнализма и в плане истории текста, и в плане образно-тематической и сюжетно-композиционной структуры повести. История двух редакций «Портрета»,

как известно, была определена во многом мнениями В. Г. Белинского, который, в силу своих литературных убеждений, не принимал мистический колорит и мистические мотивировки, демонологию, религиозную назидательность и ценил в Гоголе силу и самодостаточность реалистических образов. Расхождения с Белинским тем не менее оказались непреодолимыми, и вторая редакция «Портрета», опубликованная в «Современнике» за 1842 год, вновь была подвергнута Белинским критике с тех же исходных позиций.

Сама по себе эта хрестоматийная история оценивалась по-разному, в зависимости от идеологических и методологических установок. Современные исследователи не находятся под магической властью построения Белинского о Гоголе как главе целого направления русской литературы, поэтому ищут причину расхождений критика и писателя в уникальности гоголевской поэтики. Так, например, В. М. Маркович, оставляя за скобками степень религиозности Гоголя в 1830-е годы и опираясь на «собственно художественную реальность» [Маркович В. М. 1989: 148], приходит к мысли о неизбежности и принципиальности расхождений с Белинским, причина которых коренится в поисках Гоголем онтологических оснований зла, в его выходе за пределы социальной критики к ощущению «катастрофического повреждения последних основ бытия» [Маркович 1989: 149]. Логично, что символический подтекст «Портрета», установленный исследователями [Денисов 2003: 184-193], восходит не только к романтической традиции, в частности, к мотивам оживающего портрета, но и к сюжету искушения как таковому.

Повесть имеет для нас особый интерес как некая ясная художественная модель, в которую вписываются как частность представления Гоголя о месте журналистики в современной культуре. Речь не только об эпизоде с журнальной рекламой. Речь прежде всего о сюжете повести в его целостности. Прекрасным журнальным комментарием к «Портрету» оказывается полемика Гоголя с С. П. Шевырём о коммерциализации литературы, суть которой в том, что, на взгляд Гоголя, плох не сам факт коммерциализации, а ухудшение качества литературной продукции.

Один из механизмов разветвления искусства и, шире, культуры на высокую и низкую сферы показан Гоголем в гротескно-фантастическом плане, поэтому здесь не стоит искать отражения всей полноты и противоречивости процесса. Гоголю важно было показать, что служение высокому искусству подобно подвигу монашеского послушания и неизбежно требует великих жертв, тогда как велико искушение лёгкого успеха, коренящееся в самой сути массовой (провинциальной, по выражению Пушкина) культуры. Гоголь сознательно избегает «промежуточных» состояний, обнажая трагическую парадоксальность культуры. Эта художественная модель носит в наших глазах универсальный характер.

Несколько модернизируя терминологию, немецкий исследователь Ханс Гюнтер предлагает говорить здесь о тривиальном, но модном искусстве, которое сейчас называют китч. «Если высокое искусство стремится к индивидуальности, оригинальности и аутентичности и рассчитано на изысканный вкус, то массовая культура китча вытекает из демократизации вкуса и надевает на себя маску высокого искусства» [Гюнтер, Ханс 2003: 179].

В современной Гоголю журналистике происходит нечто подобное, и писатель, не ставя себе задачу отразить этот предмет во всём богатстве оттенков и переходов, не задумываясь относит журналистику в «Портрете» к дьявольскому искусству. При этом она оказывается единственным необходимым посредником между властью мистического золота и властью репутации, которая, в свою очередь порождает золотой поток.

«На другой же день, взявши десяток червонцев, отправился он к одному издателю ходячей газеты, прося великодушной помощи; был принят радушно журналистом, назвавшим его тот же час «почтеннейший», пожавшим ему обе руки, расспросившим подробно об имени, отчестве, месте жительства, и на другой же день появилась в газете вслед за объявлением о новоизобретённых сальных свечах статья с таким заглавием: *О необыкновенных талантах Чарткова*: «Спешим обрадовать образованных жителей столицы прекрасным, можно сказать, во всех отношениях приобретением. Все согласны в том, что у нас есть много прекраснейших физиогномий и прекраснейших лиц, но не было до сих пор средств передать их на чудотворный холст, для передачи потомству; теперь недостаток этот пополнен: отыскался художник, соединяющий в себе, что нужно. Теперь красавица может быть уверена, что она будет передана со всей грацией своей красоты воздушной, лёгкой, очаровательной, чудесной, подобной мотылькам, порхающим по весенним цветкам. Почтенный отец семейства увидит себя окружённым своей семьёй. Купец, воин, гражданин, государственный муж - всякий с новой ревностью будет продолжать своё поприще» [Гоголь 1938: 98].

Здесь Гоголь пользуется приёмом соединения далёких друг от друга сфер материального и духовного: он показывает выразительное соседство сальных свечей с «талантом» художника, уже этим обесценивая и без того пустую статью в газете. Автор статьи - своеобразный журналистский Хлестаков. Та же «лёгкость в мыслях необыкновенная», то же самозабвенное враньё, то же пустословие. Однако он, пожалуй, опаснее Хлестакова, ибо хорошо знает, что делает. Его расчёт на невзыскательную публику безошибочен. Он знает, на какие струнки души читателей воздействовать. Он обладает отработанными навыками журнального красноречия и создания квазиценностей из собственного словесного потока, имеет бойкое перо и циничный задор халтурщика. Наконец, он не боится быть шутком гороховым, балаганным зазывалой: «Спешите, спешите, заходите с гулянья, с прогулки, предпринятой к приятелю, к кузине, в блестящий магазин, спешите, откуда бы ни было. Великолепная мастерская художника (Невский проспект, такой-то номер) уставлена вся портретами его кисти, достойной Вандиков и Тицианов. Не знаешь, чему удивляться, верности ли и сходству с оригиналами, или необыкновенной яркости и свежести кисти. Хвала вам, художник: вы вынули счастливый билет из лотереи. Виват, Андрей Петрович (журналист, как видно, любил фамильярность)! Про-

славляйте себя и нас. Мы умеем ценить вас. Всеобщее стечение, а вместе с тем и деньги, хотя некоторые из нашей братья журналистов и восстают против них, будут вам наградою» [Гоголь 1938: 98-99].

Последние строки этого пассажа, очевидно, намекают на С. П. Шевырёва и тех журналистов-романтиков, которые однозначно отвергают коммерциализацию культуры. Возможно, Гоголь подразумевает антитезу московской и петербургской журналистики. Как бы то ни было, в разухабистой статье журнального писателя, как в капле воды, отражаются те же проблемы, которым посвящена вся повесть и которые несомненно волновали и Гоголя-журналиста. Обесценивание высокого искусства обозначено здесь множественным числом имён великих художников Ван Дейка и Тициана, подобно тому как в «Невском проспекте» имя Пушкина попадает в окружение имён Ф. В. Булгарина и А. А. Орлова. А ведь девальвация подлинных критериев оценки искусства - ярчайшая черта коммерческой петербургской журналистики. Остаётся лишь вновь констатировать, что эта тема совершенно гармонично вписывается в «Петербургских повестях» с темой всеобщей девальвации человечности и представления жизни как чудовищной мешанины, лишённой внутреннего стержня.

Трагикомическая подоплёка взаимоотношений художника и пишущей братии выявляется в реакции Чарткова на статейку. Обнаруживается *магическая* власть печатного обнародования имени над его носителем, и это чрезвычайно естественная реакция. Чартков не может не понимать умом, что статья - чистой воды блеф, независимо от возможностей его таланта. Но он как будто *заворожён* великой честью печатной похвалы, которая на самом деле становится первым настоящим бесчестьем: «С тайным удовольствием прочитал художник это объявление; лицо его просияло. О нём заговорили печатно - это было для него новостью; несколько раз перечитывал он строки. Сравнение с Вандиком и Тицианом ему сильно польстило. Фраза: «виват, Андрей Петрович!» также очень понравилась; печатным образом называют его по имени и по отчеству - честь, донныне ему совершенно неизвестная» [Гоголь 1938: 99]. Метасюжет искушения современными бесами продолжает порождать новые побегі. В мире, который делает людей нулями, роль беспринципной журналистики чрезвычайно велика, ибо она создаёт иллюзию значимости. По мнению В. М. Марковича, это одна из главных тем «Петербургских повестей»: обособленность людей, раздробленность жизни заставляет чувствовать свою собственную ненужность, «и человек оказывается перед необходимостью как-то «означить» себя, чтобы не пропасть, как «пузырь на воде», бессмысленно и бесследно» [Маркович 1989: 144]. И в этот момент журналистика оказывается чрезвычайно своевременной, ибо даёт почувствовать себя единицей, а не нулём. Всё это можно было бы трактовать как размышления о человеческом тщеславии, если бы не поэтика «Петербургских повестей», которая противится такой трактовке. Удовольствие, испытанное Чартковым, когда он увидел своё имя в похвальной статье, - это не психологический феномен в мире Гоголя, а метафизический. Этот обычный факт увеличивает свою значимость, ибо общая философская подоплёка цикла служит ему увеличительным стеклом. Герои ищут оправдание своего бытия в миражах. Современный петербургский журнализм - ещё один и весьма «весомый» мираж.

Функция создания денег из пустоты выполняется журнальной рекламой как нельзя лучше. Гоголь подчёркивает незаменяемость этого источника, огромную власть пустословия, бумагомарания. Пустота, фикция порождает в мире петербургских повестей материальные житейские блага. Журналистика в художественной интерпретации автора «Портрета» остаётся конкретным социально-историческим и культурно-историческим явлением, но приобретает также инферальные смысловые оттенки, становясь дорогой в ад. Именно после статьи в газете репутация начинает управлять героем, и это начало его падения.

В соединении темы журналистики с темой власти золотого искусства не было ничего исключительно гоголевского или российского. Можно интерпретировать «Шагреневую кожу» Бальзака как явную художественную параллель к «Портрету» и с точки зрения общего замысла, и в отношении некоторых образных особенностей. Нас же в данном случае интересует именно потенциальная лёгкость замены мистического предмета, дающего Рафаэлю и Чарткову призрачную власть над собственной жизнью, на возможности продажной журналистики. Этим не столько мистифицируется последняя, сколько демистифицируется волшебный предмет, превращаясь в символ реального явления.

Список использованной литературы

1. Гоголь Н. В. Полн. собр. соч.: В 14 т. - М., 1938. - Т. 3.
2. Гюнтер, Ханс. Между мамоной и мистикой. Проблематика художника в «Портрете» Гоголя // Гоголь как явление мировой литературы. - М., 2003. - С. 179.
3. Денисов В. Черты «Портрета» // Гоголь как явление мировой литературы. - М., 2003. - С. 184-193.
4. Маркович В. М. Петербургские повести Н. В. Гоголя. - Л., 1989.

ТЕМА ЖУРНАЛИЗМА В ПОВЕСТИ Н. В. ГОГОЛЯ «ЗАПИСКИ СУМАСШЕДШЕГО»

Игнатьева Е. А.

ГОУ ВПО «Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского»

«Записки сумасшедшего» - это своеобразная пародия на весьма распространенный в литературе 1830-х годов жанр записок, который использовали многие авторы романов и повестей. К этой повести исследователями найдена параллель из области журнальной литературы - «Три листка из дома сумасшедших» Ф. В. Булгарина («Северная пчела», 1834, № 37, 15 февраля) [Золотусский 1976: 212-214]. Журналистика стано-